

4,4/5 (14 голосов)

Творчество

* * *

Преграда может быть любой,
И с этим знанием я вырос,
Но всё же в мире есть любовь -
И это самый главный вирус,

Мы просто для неё среда,
Она себя повсюду множит,
И не оставить ни следа
Она, естественно, не может,

Пусть от неё лекарства нет,
И, по ночам подушку глядя,
Я получил иммунитет,
Но потерял его не глядя...

На свете столько пандемий,
А мы на пандемии падки,
Меня повыше подними
И брось скорее на лопатки,

Ловушки для меня готовь,
Сеть, из которой я не вырвусь,
Да, в этом мире есть любовь!
И это самый главный вирус.

* * *

Не спеша и словно бы украдкой,
Интерес к процессу не тая,
Роет всю песочницу лопаткой
Дочь моя.

Заскрипят тяжёлые качели,
Времени пройдя водоворот,
Девушкой с картины Боттичелли
В жизнь шагнёт

Дочь моя, косясь на бренность мира,
Гордым взглядом удивляя всех.
А пока она песочек мило
Кинет вверх,

Радуюсь любой случайной встрече,
Вида в лужах целые моря...
Просто обними меня покрепче,
Дочь моя...

Кто я такой

Все листки, исписанные ручкой,
Со стола смахну лихой рукой...
Объясните мне, за третьей рюмочкой,
В этой вечной круговерти русской
Кто я такой?

Ведь теперь на каждом повороте
Рифмами забиты злые рты,
Очень мало правды в этой рвоте,
В этой неестественной работе
Мало красоты...

Прочитают на моей могиле
Странные, нелепые стихи,
Но пока дышу я, помоги мне,
Господи, поверить, что могли мы
В этом мире быть совсем другими,
Жить без шелухи.

Я всему на свете знаю цену,
Скажут мне: не колотись об стену,

Пережди и нервы успокой...
Но куда тогда я голос дену?
И кричу я, выходя на сцену,
Кто я такой???

Во мне живёт мечта немая

Во мне живёт мечта немая,
Закрывать скорее все долги,
И, головы не поднимая,
Я смело делаю шаги.

Но разве честно, милый Боже,
Что мы берём в который раз,
Но отдаём намного больше,
По сути всё, что есть у нас!?

Таков закон, таков порядок,
И Бог совсем не меценат,
И нам давно понять пора бы,
Что у всего своя цена.

Мы пьём с рожденья из колодца,
И льём всё время мимо рта,
Но в долг, к несчастью, не даётся
Нам ни любовь, ни доброта...

На то, чтоб поступали верно,
Никто не даст ни сил, ни карт.
Нельзя взять в долг у мира время
Никак.

Вчера я говорил с бомжом

Вчера я говорил с бомжом
На пятом этаже.
"Что друг, ошибся этажом?"

- "Всё, ухожу уже..."

"Сиди, и так еле живой!".
Торча из полумглы,
Он скрёб плешивой головой
Немытые полы.

Его я видел много раз
Сидящим возле плит,
А в глубине потухших глаз
Лишь пустота и стыд.

А помню я, он мёл дворы,
Но стала жизнь сложна,
С той ужасающей поры,
Когда ушла жена.

Он спился, стал совсем сутул,
И вот сегодня днём
На пятом этаже уснул,
На коврике моём...

С минуты этой непростой
Меня тревоги жгут...
Замри и у двери постой,
Вдруг и тебя за дверью той
Не ждут...

Я не стану наследным принцем

Я не стану наследным принцем
Или венецианским дожем,
Но плевать на свои же принципы
Я не должен.

Первый принцип - быть верным слову
И любимому делу тоже,
Если внутренний стержень сломан -
Ты ничтожен.

Принцип два - быть бойцом до смерти
Без условий и подготовки,
Если в чьи-то попался сети,
Рви верёвки!

Третий принцип - себя измельчи, но
Сохрани в себе лучик света.
Называя себя мужчиной,
Помни это!

Мой город

Мой город - маятник у моря,
Обветренный сосновый бор...
И запах камбалы и мойвы
Висит над пирсом, как топор,

Я моряком бы стал, наверно,
Но молча слушаю прибой,
Петляют траулеры нервно,
Таская чаек за собой,

Но даже самым острым зреньем
Не уловить мне тот момент,
Как в свете солнца моря зелень
Сверкает, словно горсть монет...

Работать до седьмого пота,
Родные улицы любить,
Глотать промозглый воздух порта...
Калининградцем быть!

Тоска

Тоска...
Я столько лет тебя в себе таскал,
когда ломались замки из песка,
глотаю воздух жадно, как пескарь,
неся свой скарб...
И сам себя не в силах отыскать
в злом мире, где любовь - и та жестка,
перед людьми я душу расстирал,

как скатерть...

И только с той, которая близка
иду вперед без боли и без карт,
и больше не живу в твоих тисках,
тоска!

Сочельник

Все покрыто пенопластом, мерзлой коркой,
по дворам холодный сахар белой горкой,
под окном скрипят всклокоченные галки,
и старушки в трех тулупах, как цыганки...
Тихих улиц беспорядочная чистка,
мы как будто на окраине Норильска,
злой мороз бескомпромиссен и безбожен,
мятый город до цистита заморожен...
так и хочется прижаться поскорее
к одеялу или теплой батарее,
и скукожиться, как старая резина,
и к обеду не бежать до магазина.
Но приходится ворочать сонным телом
в этом воздухе, навзрыд заледенелом,
оттого, скользя не глядя, словно пуля,
в январе так сильно хочется июля...

Ветер

Ветер швыряет меня
в черные ямы,
в рваные ямбы,
в объятья мамы,
что могла бы
не идти мимо,
не быть минимумом,
не искать алиби,
а стать моим миром.
Ветер швыряет меня

в оконные рамы,
в глупые раблеры,
в дымные бары
и улиц параболы,
что могли бы
не плыть глыбами
над моим лбом,
а стать лилиями
во дворе любом.
Ветер швыряет меня
в старые опели,
в лампы, что лопнули,
в свет опиумный
звезд-квадрокперов,
что могли бы
слышать молитвы,
но мы убиты
полиомиелитами,
спидом, болезнями мнимыми,
своими лимитами,
злыми суннитами,
что тянут магнитами
кровопролития.
Швыряй меня, ветер,
на этот вертел.
Я поверил
в глубокий смысл смерти,
Но всегда мерил
этот мир светом,
сантиметр
за сантиметром
эту планету
любовью мерьте!

Игрушки

Игрушки бывают плюшевыми,
игрушки бывают пластиковыми,
и, кажется, они лучше,
чем люди со всеми их свастиками,
со всем им присущим гонором,
с невероятной черствостью,
пищут в газетах - горе нам,
а завтра желают еще статью...
И вот, возвращаясь с улицы

и наглотавшись истины,
я смотрю в глаза-пуговицы
друга моего единственного,
никто нас, ни разу не каявшихся,
несчастных в богатстве и бедности,
уже не научит, кажется,
доброте и преданности,
живем, никого не слушая,
ищем в бутылке спасения,
и только игрушка плюшевая
любит нас до последнего...